

Я очень люблю воспитывать свою дочь. Или кого-нибудь другого. Кто есть под рукой. Товарищей по детской литературе, попутчиков в поезде и даже целые организации.

Однажды я жил в Ялте, и никого под рукой не было. А повоспитывать кого-нибудь, наставить на путь истины и добра очень хотелось.

Я и стал писать своей дочке письма.

Ей и ее одноклассникам.

Прочтите их. Может, вы, юный друг, и не воспитаетесь. Но от каких-то ошибок вдруг остережетесь.

С уважением,

Э. Успенский — детский писатель

и бывший многострадальный школьник

Письмо первое. Как мы повышали свою успеваемость

Татьяна Эдуардовна! Как Ваши дела? Сколько пятерок Вам удалось вытащить из учителей? Сколько двоек в Вашем дневнике?

Между прочим, когда я был школьником, мне дома сильно влетало за двойки.

И я, получив двойку, брал тонкую (обычно импортную) бритву и, согнув ее дугой двумя пальцами, эту двойку тихонечко срезал. Мы так лихо научились пользоваться бритвой, что срезали уже не просто кусочек бумаги, на котором написана двойка, а именно саму двойку. На стол падала заковыристая отметка, выгнутая, как лебедь, и синяя. Может быть, с чуть-чуть белыми полями.

А самые отчаянные и способные двоечники прятались под партой, и когда всех выгоняли на перемену, вылезали в пустом классе из-под парты и вырезали двойки из (представляешь?!) классного журнала. Мало того, наиболее талантливые и одаренные двоечники вписывали туда тройки, а то и четверки.

Так что очень скоро успеваемость в нашем классе резко повысилась. Нас стали ставить другим в пример. А учеников в классе много. Много хулиганов. И учителя плохо помнили кому что ставили.

Скорее всего, мы попали бы в число лучших классов Москвы по успеваемости, если бы...

А о том, что «если бы», напишу в следующем письме, чтобы тебе интереснее было бы ждать его.

Я хочу написать тебе несколько суровых и воспитательных писем. Это первое из них.

А потом мы с тобой составим из них целую книгу и издадим большим тиражом.

Привет Надежкину, Киселеву, Лене Цыгановой, Ане Двинской и тем двум загадочным молодым людям, в которых вы с Цыгановой втрескались.

Э. Успенский

Ялта

Письмо второе. Равнение на Качалова. Взрывы в подворотне

И так, Таня, наш класс чуть-чуть не стал чемпионом по успеваемости в районе, а то и в городе. Но тут...

Был у нас ученик — Слава Качалов. Самый главный двоечник. Но очень способный вырезальщик. У него была мама. Несчастливая женщина, замученная жизнью, мужем и сыном. (К тому времени Слава достиг двух метров роста и начал бриться.) И вот Слава решил ее обрадовать. Ко дню маминых торжеств он решил стать круглым отличником.

Он вырезал все свои двойки. Выкрасил их с обратной стороны чернилами и прилепил вверх ногами на прежние места.

А в это время директор нашей школы Петр Сергеевич Оунков делал прицел на несколько лет вперед — будут ли у него медалисты к концу следующей пятилетки. И если будут, то кто это? Он взял все классные журналы и стал смотреть.

Выяснилось, что Качалов — самый главный отличник среди восьмых классов. Надежда школы. Поэтому директор и заявил на общем школьном собрании:

— Равнение на Качалова!

Наш класс стал смеяться, а учителя поражались. Ведь с ним всегда мучения. Тройка для него — приятное событие. Ну, может, четверка. Ну бывает учитель в бреду, он и пять поставит. Но чтобы все учителя бредить стали?!

Взяли они журнал, стали рассматривать. Все честь по чести. Пятерки их почерками написаны. Но что-то не так. На свет стали рассматривать. Линзы взяли. А тут одна пятерка отвалилась. И все стало понятно.

Повели учителя большое следствие. Стали таскать учеников в учительскую и вести перекрестный допрос. И все окончательно раскрылось.

Влетело нам по первое число. Вызвали родителей, ругали их. Кое-кто из темных родителей нас отлупливал. Кое-кто воспитывал. Кое-кто, из самых светлых, просил свое искусство показать, чтобы кое-какие ошибки в документах или деловых письмах ликвидировать. А мы сделали два важных для себя вывода:

1. Любое дело, переходящее из искусства в массовое производство, рано или поздно погибает. Только глупый этого не понимает.
2. Если ты шагаешь «удачной» тропинкой, то будь настороже: а не стоит ли там в конце колотильщик с дубинкой.

После этого у нас началось увлечение пистонами, взрывами и шарахами.

Тогда еще вовсю была разрешена охота. И многие родители имели ружья и патроны. В патронах такие капсюли. Капсюль стоит на дне патрона. В нем немного какого-то взрывчатого вещества. Кажется, это гремучая ртуть.

Когда по пистону бьют, он взрывается и взрывает порох в патроне.

Берется такой капсюль, в него кладется немного хлеба жеваного или пластилина, и капсюль надевается на острие большого гвоздя. Гвоздь привязан к веревке, а еще лучше к резинке.

Если стать в подворотне и бросить гвоздь острием вниз, раздастся жуткий грохот. А за резиночку поддернешь, и гвоздь в кармане.

Все увлеклись этим грохотанием. То в одном углу двора жажнет, то в другом шарахнет. Весь день так. Кто не знает, подумает, что во дворе бои идут. Время ведь послевоенное.

И в школе тоже жажали, и в классе тоже шарахали.

Был у нас в коллективе один лучший отличник Алик Муравьев. И вот однажды стоим мы в подворотне. Жахаем. Если какая старушка пойдет или другой человек не очень опасный, но очень интересный в смысле испугательности, мы как шарах. БАХ-БА-БАХ!

Человек как взметнется!

Знакомых ребят мы испугали. Дворничиху...

Э. Успенский

Ялта. Гостиница «Ялта»

Письмо третье. Продолжение рассказа про взрывы в подворотне и про отличника Алика Муравьева

Знакомых ребят испугали. Дворничиху вогнали в ужас. Потом она, ругаясь, гоняла нас по двору лопатой.

И тут наш отличник Алик Муравьев берет самый мощный капсюль под названием «Жевило», надевает на гвоздь и готовится.

Дом наш был огромный. А школа была во дворе. И учителя и все школьное начальство из школы домой шли через эту самую подворотню.

Стояло нас там несколько человек. В том числе Герман Жаров — главный двоечник и нарушитель дисциплины. Очень стойкий в двойках и нарушениях.

И вот входят в ворота две какие-то дамочки. Алик как жажнет! Одна дамочка в обморок и к стенке прислонилась. А другая (это была Марьяна Яковлевна — наша классная руководительница) как прыгнет, как схватит Германа Жарова за рукав:

— Ага! Попался! Пошли со мной, мерзавец!

Марьяна Яковлевна была маленькая, черненькая... никакой мускулатуры. Но почему-то вся школа ее безумно боялась. Самые главные хулиганы, которые милиции не опасались, с дворником дядей Шакиром в стычку вступали, и те при виде ее скисали, умолкали и беспрекословно: «убирались вон», «являлись к директору», «убирали то, что намусорили», «выворачивали карманы с папиросами» и т. д.

— Это не я!

— Замолчи, недоумок!

И маленькая Марьяна повела большого хулигана Жарова прямо к директору школы. А мы — Алик Муравьев, Артур Рожин и я — следом. Немного в стороне шла за нами параллельная хулиганская

компания — Витя Приходов и Юра Мицельский. Так сказать маленькая конкурирующая мафия.

Что было бедному Жарову у директора и вообще! Стали ему выговор записывать, родителей звать, на классном собрании разбирать и из школы исключать.

Алик Муравьев кричит, что все это он! Это он жахал и старушек пугал. Но Марьяна не согласна:

— Смотрите какой красивый человек Муравьев растёт! И учится на «отлично». И одет аккуратно! И вину за товарища хулигана взять на себя хочет. Чтобы его защитить. Только нас не проведешь! Каждый получит то, что заслужил.

Жаров заслужил исключение из школы на три дня и жуткую лупку от дяди-дворника. Муравьев — пятерку по поведению и уважение Марьяны Яковлевны.

А мы все сделали вывод очень важный:

Хочешь пугать население — пугай, но учись всегда на «отлично». И одевайся аккуратно всегда.

В стихах это выглядит так:

У кого пятерка — друг,

Тому всегда все сходит с рук.

Вот так-то, Татьяна!

А сейчас третья история. Про вино, Витю Приходова, про Юру Мицельского и про поход в кино.

Однажды, на радость нам, учитель опоздал на урок минут на пять. Мы ждали его две минуты после звонка, и пулей на улицы. А что дальше... в следующем письме.

Э. Успенский

Ялта. Гостиница «Ялта»

Письмо четвертое. Про вино, Витю Приходова, про Юру Мицельского и про поход в кино

На улице мы разбрелись кто куда. А четыре человека — Витя Приходов, Юра Мицельский, Слава Рубцов и Герман Жаров — пошли на дело. То есть купили бутылку водки и направились к Приходову домой. Папа Вити Приходова был дипломат и находился за рубежом.

В пустой квартире четыре молодца выпили водку, закусили бубликом и направились в школу для дальнейшего обучения. По дороге они стали пьянеть. Чем ближе к школе, тем хуже — и ноги и

язык у них заплетаются.

Звонок. Марьяна Яковлевна как в класс вошла, так и сказала:

— Что-то в классе перегаром пахнет. Не иначе как Мицельский, Рубцов, Жаров и Приходов водки напились. А ну-ка к доске.

Они с трудом вышли, шатаются, совсем бледные.

— Смотрите, ребята, — говорит Марьяна Яковлевна, — по ним концлагерь плачет, а они водку пьют. Ну-ка, староста, Киселев, отведи их к врачу. Пусть им дадут нашатыря понюхать. Потом к директору пусть идут. Будем их в вытрезвитель сдавать.

Рубцова по дороге стошнило. Потом он тряпкой пол собственноручно мыл. Остальные ничего, выдержали.

И вот, в субботу, собирается классное собрание с присутствием родителей.

Директор, завуч, Марьяна Яковлевна и даже кто-то из роно явился.

Вызывают каждого к доске и идет краткая характеристика.

— Вот Мицельский. Росту в нем два метра с половиной. А до чего докатился. Папа его в эти годы Зимний брал.

— Что касается Рубцова, то он хуже Жарова. А хуже Жарова ничего не бывает. Только уголовные элементы с золотыми зубами. Которые ларьки по ночам грабят.

— А Приходов? Его папа сейчас в Европе за нашу страну борется. Вокруг империалисты, а сын чем занимается? Комсомольск-на-Амуре строит? Нет, он водку хлещет. И по физике у него четверка с минусом. Давайте делать выводы. Ну что скажете? Вот ты Мицельский.

А что Мицельский? А, Татьяна! Ты же его хорошо знаешь. У него дочка Галя сейчас в нашей школе десятилетку с медалью заканчивает. А ничего Мицельский. Что ему сказать: больше не буду?

— А что ты, Рубцов, скажешь в свое оправдание? Или ты, Жаров?

— Больше не будем!

— ВСЕХ ТРОИХ ИЗ ШКОЛЫ НА НЕДЕЛЮ ИСКЛЮЧИТЬ!

— А теперь Приходова послушаем. Как он до этого докатился? Он ведь главный самый. Он зачинщик. На его квартирной площади все происходило.

— Мне стыдно, — сказал Приходов. — И очень. До чего я докатился и другие. Я действительно зачинщик, и все это было на моей квартирной площади. Но... но есть одно «но»...

— Интересно, какое же?

— Как мы до этого докатились? Ведь мы не сами до этого докатились. Нас, можно сказать, до этого докатали. Меня докатали и других.

Все так и поразились:

— Кто вас до этого докатил? Поясни свою мысль!

— Обстоятельства. Мы, например, не знаем куда себя девать! А кто нами занимается? Кто хоть раз предложил нам металлолом собирать или макулатуру? Куда совет дружины смотрит? Я, например, давно мечтаю школьный двор озеленить, но меня хоть раз мобилизовала на это дирекция? Из нас сила бьет, а скажите, когда нас в последний раз в Третьяковскую галерею водили? Или в зоопарк? Или в желанный планетарий на «Есть ли жизнь на Марсе»?

Короче говоря, администрация сникла. Решила срочно организовать поход в кино. Роно голову подняло. И Приходов никакого выговора не получил, а директору что-то, кажется, было за «докатимость» отдельных учащихся.

Так что, Таня, сделай вывод и запомни сызмальства:

Прежде чем признать вину, постарайся спихнуть ее на начальство.

А теперь я начинаю новую историю. Историю про Славу Качалова, который умел подделывать государственные печати. Тот самый Слава Качалов, который так великолепно срезал двойки, освоил новое ремесло. Он научился подделывать печати.

Делается это так. На листе бумаги рисуется или круглая, или квадратная печать. Причем рисуется химическими чернилами, а буквы пишутся как в зеркале. Отсталые темные неумельцы вырезали печати из картошки или из ластика. Это не так качественно. А потом то место, куда надо нанести печать, густо облизывается языком, и рисованная печать прикладывается. Ну так здорово, хоть справки о здоровье подделывай и в школу не ходи. Что Слава и делал. При всей своей неблестящей учибельности.

Э. Успенский

Ялта. Гостиница «Ялта»

Письмо пятое. История про Славу Качалова, который подделывал государственные печати

Однажды утром на уроке английского языка учитель Вадим Арсентьевич говорит:

— Качалов, к доске. Покажи нам, как ты домашнее задание сделал.

— А я никак не сделал. Я болел, — отвечает Слава.

— И можешь это документально подтвердить?

— Вот, пожалуйста, справка.

Учитель видит справку и не спорит, но в душе недоволен.

— Ну хорошо, а воскресное чтение? Прочти-ка нам кусок из копилки мировых шедевров. Из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

А Слава и из копилки читать отказывается.

— А я и в воскресенье болел.

— А где документальное подтверждение?

Этих подтверждений у Славы, как у иного спекулянта денег в бумажнике. На все случаи жизни и все дни недели. И все у него есть, все болезни от катара верхних дыхательных путей до атеросклероза, который обычно бывает в пожилом возрасте. Им родители пенсионеров болеют. А Слава этим атеросклерозом от физкультуры спасался.

Английский Вадим Арсентьевич был потрясен таким количеством документации. И таким количеством заболеваний у одного человека.

— Что-то вызывают у меня сомнения эти справочки. С такими бумагами человек должен не у доски мучиться, а уже года два как на кладбище отдыхать.

Он позвал к себе старосту Юру Киселева — комсомольца (или пионера тогда, не помню) лидирующего и велел ему немедленно, забыв обо всем, идти в поликлинику районную. И спросить там — их это справки или нет? Их ли это болезни? Их ли это подписи?

И пока Юра Киселев уверенно и надежно выполнял задание, Вадим Арсентьевич разъяснял нам разные статьи уголовного кодекса о подделках государственных бумаг и тяжелых последствиях для лиц, этим занимающихся.

При этом он, вредный человек, не забывал о своем английском и спрашивал самых ранимых:

— Ну-ка, Мицельский, какое это время «был заключен» и как это звучит на английском.

А лицо лица, занимающегося подделкой, суровело.

И вот вернулся посланный Киселев.

— Они говорят, что это их бумаги.

— Их?

Киселев как-то неуверенно объяснил:

— И бумаги их, и печати их, и болезни их. А писали вроде бы не они. Но в первом они больше уверены.

И английский Вадим Арсентьевич оставил Славу Качалова в покое.

— Раз ты такой больной, садись. Долечивайся. Но знай, что от мировой копилки тебя только тюремное заключение спасет. И завтра я тебя снова вызову.

На переменке мы к Качалову бросились:

— Ну скажи правду — их это бумаги или твои?

— Конечно мои. Да я на ваших глазах еще такие сделаю.

И сделал. И тетрадку показал, откуда листочки для справок выдраны были. И образцы болезней бабушкиных.

Так он был спасен. А наши юные головы такой вывод сделали:

Если ты подделываешь государственную печать, то подделывай так хорошо, чтобы потом не пришлось за это отвечать.

А сейчас, Таня, я начну рассказывать историю, как один любимец нашего класса, Слава Рубцов, сидел, вернее, лежал под столом на уроке физики.

Таня, может, это будет другая история. Я сегодня замотался, переезжал из гостиницы на квартиру и не успел поработать.

Да еще надвигается ремонт автомобиля. Башка занята не воспоминаниями о прошлом. А занята хлопотами о будущем.

Э. Успенский

Ялта. Частная квартира

Письмо шестое. Как Слава Рубцов под столом лежал

Татьяна, вчера ремонтировал машину и весь день провел с монтировкой в руках. Было не до работы. У меня барахлил подшипник заднего колеса. И колесо при езде говорило быр-быр-быр и потом БЫР-БЫР-БЫР...

На станции техобслуживания, где положено техобслуживать, сказали, что такой работы не делают. И нам с Галиловым пришлось проявлять частную инициативу на фоне госжизни, в которой эта инициатива не поощряется. Мы, вернее, Анатолий Юрьевич, договорились с механиком из одного гаража. С механиком Витей. И Витя один сделал всю ту работу, которую не могла сделать целая станция технического обслуживания.

Витя снял колесо, снял тормозные барабаны, с жутким трудом вытащил полуось, потому что болты, которыми она крепилась, приржавели к машине. Пришлось их срезать газосваркой. Потом он напрессовывал подшипник на ось при помощи водопроводной трубы. (На станциях его нагревают и сажают на прессовой посадке специальными приспособлениями.)

А Толя все эти семь часов помогал ему. А я монтировал колеса. По дороге сюда у меня случились три прокола, вернее даже пробоя. Пришлось срочно покупать покрышки. Доставать камеры, заклеивать, размонтировать, ставить прокладки, вновь монтировать и т. д.

К вечеру Витя все спокойно починил, мы с ним рассчитались. Это было значительно дешевле, чем на станции. Но сил писать уже не было. Выпили мы немного водки и разошлись спать. Вернее они разошлись, а я остался у себя. Причем с механиком Витей мы подружились на всю жизнь.

Но день пропал.

Если сегодня буду в форме, напишу еще два письма ребенку. Хотя не гарантирую. А пока продолжаю рассказ про Славу под столом.

Слава Рубцов тоже не был гордостью школы. В смысле обучаемости. Вся школа знала, как он блестяще играет в футбол. У него мяч просто прилипал к ногам. И когда мы играли 21 человек

против 22 на баскетбольной площадке, где от количества народа ходить-то было трудно, он ухитрялся в такой толчее мяч не потерять, и всех обвести, и гол забить.

Он был какой-то невероятной футбольной звездой. Тренеры на него специально ходили смотреть, как на экскурсии по местам боевой славы или в музей. Да сердце у него было плохое. И врачи играть в футбол не разрешали.

Учился Слава плохо. И ехидный был, и неглупый, и потом лучший игрок в карты из него получился (по-моему, он лет через десять стал профессионалом), а как возьмет учебник — не может с ним и десяти минут просидеть. Скучно ему — что там вливается, что там выливается? — пропади ты все пропадом.

Однажды погода была мокрая. Мы шли на физику в кабинет. Слава идти не хотел, его должны были спрашивать. А если не идти, куда деваться? На улице промозглость, в туалете сидеть скучно, да и неудобно. Того и гляди, директор Петр Сергеевич забежит.

Вот Слава и решил пойти на учение. И пошел. Вместе со всеми вошел в кабинет и забрался под последний стол. Устроился поудобнее. Как американский безработный, газетку себе под голову положил, хотел заснуть. А мы его ногами как бы нечаянно пихаем.

Учитель Сергей Федорович ну просто погром объявил:

— Качалов к доске, Жаров к доске и Рубцов тоже.

— Рубцова нет.

— Как нет? Я его в коридоре видел. Он в футбол играл спичечным коробком.

— Это вам показалось. Не мог играть Рубцов. Он уже два дня как в больнице лежит.

Тут староста Юра Киселев встает и заявляет:

— И ничего не в больнице. Он под столом у Муравьева лежит.

Нашему старосте Юре Киселеву трудно жилось на свете. С одной стороны, он был наш парень — жил во дворе, в колдунчики играл, в шпионов и на шпагах сражался. А с другой, был комсомольским лидером с уклоном в старосту класса.

И дворовые устои у него все время боролись с комсомольско-старостинскими.

По дворовым законам он должен был про Рубцова помалкивать. Нельзя товарища выдавать, а по пионерским надо было о Рубцове-разгильдяе всю правду сказать. Потому что он позорит коллектив, советскую школу и пионерскую организацию. Вот и не выдержал Юра Киселев, встал и сказал:

— И ничего он не в больнице. Он под столом у Муравьева лежит.

Рубцова, конечно, из-под стола извлекли и в кабинет директора направили. Там с него Петр Сергеевич умело стружку снимал примерно час.

Продолжение следует.

Э. Успенский

Ялта. Квартира Бориса Коморницкого

Письмо седьмое. Пластилиновая бомба

Потом его на классном собрании прорабатывали. Звеньевые и активисты из стенгазеты. И папа его — полковник из какой-то серьезной гражданской организации — внес свою лепту.

Все делалось по школьным воспитательным законам.

А дальше пошли в ход законы дворовые, а законы дворовые — они более суровые. По этим законам Киселев получился предателем. Он Рубцова учителям предал. И вот...

Однажды к нашему другому активисту Валькову подошли два человека и отколотили. Ни за что, ни про что. Это была ошибка. Эти два человека должны были отколотить Киселева. И это были не наемные лупильщики, а друзья — Штыцкий и Яковлев. Из соседнего двора. Им рассказали, как предательски вел себя Киселев, и они заявили:

— Да таких же давить надо!

Тогда им и намекнули, что именно надо. А сами мы, мол, не можем. Вот они и отлупили по ошибке Валькова. Знали, что он активист, ну и всыпали ему. Им быстро растолковали, что не того они отлупили, не тому всыпали. Тогда они встретили Киселева на улице и спросили:

— Ты Киселев?

— Я Киселев.

Вот они ему и надавали. А ребята из школы шли и спрашивали:

— Кого это там лупят? Не наших ли? Не надо ли заступаться?

Им на это другие ребята отвечали:

— Киселева лупят за Рубцова. Правильно лупят. Так ему!

Но Киселеву меньше досталось, чем Валькову, потому что мимо Марьяна Яковлевна шла. Она вперед как бросится с сумкой, и Штыцкий с Яковлевым сбежали. Почему-то боялся народ Марьяны хуже участкового инспектора. Хоть была она и маленькая и дохленькая.

А мы такой вывод сделали:

Если тебя незнакомые на улице спрашивают: «Ты кто?», не называй фамилию, а говори: «А что?»

И второй вывод:

Когда с трибуны выступаешь с каким-то заявлением, думай над дворовым его продолжением.

В стихах это выглядит так:

Начальство, конечно, главней,

Но товарищи, все же нужней.

Сейчас Штыцкий — директор мебельного магазина. Через него Приходов Витя, скоро доктор наук, по благу стулья достал.

Начинаю очередной рассказ с очередным выводом. Это рассказ о пластилиновых бомбах. Не знаю как у вас, а у нас всегда была мода на какое-то хулиганство. Сначала была мода кидать перья с оперением. Потом на рогатки. Потом на катание карандашей. Кладешь карандаш на пол и катаешь его ногой. Карандаш трещит, а откуда треск — ни за что не догадаешься. Вот учитель диктует что-нибудь из Тургенева. Там у него столько всяких грамматических сложностей, будто он не романы, а диктанты сочинял.

«В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленной дворней. Сыновья ее служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединенно доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер ее был чернее ночи».

А тут карандаш один как сверчок или лягушонок начинает где-то скворчать. Потом второй, потом третий... И целый хор. Как будто трактора выехали, пахота началась... Учитель начинает нервничать «на манер девчат», кричать и терять лицо. А кто виноват — не найдешь. И мы, разумеется, рады и счастливы.

Потом пошло увлечение пластилиновыми бомбами. Берется пластилин, из него делается шар полый внутри, и туда выливается целая чернильница. И шар замазывается. Кто его в руки возьмет и мять начнет, очень скоро чернильный взрыв получит. И становится синим. Кто подальше — все веселятся. Кто поближе — нет, потому что они сами синие.

Пластилин — дефицит. Или нет его, или он денег стоит, не помню уже. Мы научились под руководством Алика Муравьева, лучшего отличника, добывать пластилин в пионерской комнате с выставки работ младшеклассников. Придем в пионерскую комнату, всякие кубки и реликвии рассматриваем, вопросы про пионерскую организацию задаем: как она организовалась и кто был первым организатором?

Старший вожатый счастлив, пояснения дает. «Организация организовалась в таком-то году. Первыми организаторами были те-то и те-то». А мы крышечку стенда приоткроем и как схватим какого-нибудь пластилинового мужичка с ноготок. Со всеми его лошадьми пластилиновыми и

дровами. В комок его превратим и в карман.

А то и старика со старухой и с золотой рыбкой — полугодовая работа какого-нибудь Димы Аксенова с мамой и с бабушкой — раз и тикать. И из этого шедевра лепим полосатую бомбу. В нее наливаем чернила. И на уроке, допустим русского языка, тихонечко так между рядами пускаем. Кто-то с передней парты ее хватить. И счастлив ненадолго. (Не знаю как у Вас, Татьяна, а у нас впереди отличники сидели и передовики дисциплинарные. А нормальные люди сзади. И какая-то не очень активная борьба между ними велась.)

Тут схватил бомбу Алик Сердюков. (Сейчас он в «Рыбной промышленности» заведует отделом писем.)

Продолжение потом.

Письмо восьмое. Продолжение рассказа про пластилиновую бомбу

Татьяна, количество случаев и умных выводов из них, сокращается. И дальше я письма буду писать не так стремительно.

Может быть, через день. К тому же пошла моя родная работа про клоунов и съедает все мозги. Да Роман Качанов, балда, прислал диафильм про старуху Шапокляк, им надо заниматься.

Да лежит черновик сценария для второй серии «Трое из Простоквашино», Володя Попов его подготовил по моей книге. Пора чистовик писать.

Так что видишь — сколько всякой белиберды навалилось, на письма и времени не остается. Слава богу, что дождь во дворе. Сидеть за машинкой весь день заставляет; и нервы немного успокоились. Теперь не так быстро устаю, как в Москве. Ну да ладно, поехали...

... Схватил, значит, бомбу Алик Сердюков. И под парту. Одной рукой диктант пишет про Муму, другой бомбу разминает, радуется. Сколько пластилина у него! Хочешь — пирожок хлопательный сделай. Хочешь — чернильную бомбу для задних рядов.

А учительница Елизавета Петровна заметила, что он что-то рукой под столом делает.

— Интересно, — говорит, — почему это наш Сердюков руки под столом держит? Что он там делает? Не иначе как диктант с книжки великого Тургенева списывает.

— Я не списываю диктант с книжки великого Тургенева. Я пластилин мну, — отвечает Сердюков. И

руку

с бомбой протягивает.

Задние ряды аж побледнели. Нашел время пластилин мять! Что сейчас будет!

— Давай твой пластилин сюда, — приказывает строгая Елизавета Петровна.

И пластилин схватила.

Караул! И точно. Как он у нее в руке жахнет! И вся наша учительница синей стала. Даже фиолетовой. Не до диктанта ей.

— Кто это сделал? — спрашивает.

Все молчат.

— Кто это сделал? Признавайтесь! Ему ничего не будет.

И долгая пауза повисла.

Тут у наших нервы не выдержали. Встает тихий Артур Рожин и признается:

— Это я.

— Поди сюда, — говорит Елизавета Петровна.

Он подошел.

Вдруг она как даст ему подзатыльник.

— Уходи вон из школы и без родителей не приходи. Негодяй!

И получил признательный Рожин на всю катушку со всех сторон. А когда разбор шел на пионерском (может, на комсомольском, уже не помню) собрании, вдруг встал правдивый Киселев и говорит:

— Я Рожина осуждаю. Но мне только непонятна позиция учительницы. Она же ведь, Елизавета Петровна, сказала, что ему ничего не будет. Если он признается. Он и признался. А ему все есть. Может, она тоже не во всем права. Я хочу, чтоб мне ответили старшие товарищи.

Старшие товарищи сказали, что потом ему все объяснят. Отдельно. И объяснили потом.

Что учительница Елизавета Петровна как учительница и как человек может Рожина простить. И ему с этой стороны ничего не будет.

Но как педагог, как советский педагог, она не может столь вопиющее безобразие оставить без последствий.

— Понятно вам?

Непонятно почему, но Киселев все понял и сказал:

— Понятно.

А мы такой вывод сделали:

Если старший товарищ говорит, что за это ничего не будет, опыт показывает, что он очень скоро об этом забудет.

Потому что, если не будет ничего, то и спрашивать об этом нечего.

А сейчас я начну рассказывать тебе, Таня, очередную и, наверное, последнюю историю про Гуту Моисеевну — учительницу ботаники, и про ее увлечение великим учением великого ученого Лысенко.

Был тогда в нашей стране жутко знаменит ученый академик Лысенко. Он законы политики на растительный мир перенес. Есть такой политический закон, что разные мелкие события, накопившись в обществе, дают один большой результат. Например, есть множество разных мелких недовольств: ну тем, что снабжение плохое у нас в древнем

Риме, в колесницах общественных толкучка, начальство римское нас притесняет, а само живет хорошо, и прочее. А результатом является какая-нибудь очередная древнеримская революция. Или, наоборот, множество мелких радостей в какой-то стране дают в итоге одно большое счастье. Например, создались колхозы, построились ГЭС, освоились новые пространства, а в результате построен социализм.

И Лысенко приблизительно такое же нес в ботанике. Много мелких удач: яркое солнце, теплые дожди, короткие зимы и прочее могут из березовой рощи банановую сделать.

Письмо девятое. Теория академика Лысенко на практике

Наша Гута Моисеевна была сторонницей товарища Лысенко. И нас она заставляла придумывать и делать опыты, подтверждающие теорию и идеи этого великого академика. В том числе, что, изменяя внешние условия (кормление, температуру, влажность), можно постепенно из рыбы вывести птицу. Каждый должен был придумать себе что-то сам. Кто-то, например, держал двух рыбок в двух банках. Одну в ванне в темноте, другую на окошке в светлоте. И окошечная рыба оставалась карась карасем. А ванная постепенно меняла окраску и форму и становилась пещерной.

Кто-то подсаживал цыпленка к щеглам и доказывал, что в цыпленочном писке появлялись щеглиные нотки.

Но в самом деле никто никаких опытов не придумывал и не проводил. А просто перед самыми экзаменами мы вспоминали о том, что весь год должны были проводить исследовательские работы. И что ничего не сделали. И тогда каждый кидался куда-нибудь: в зоомагазин, в огород, на окно к бабушкиным гераням и спешно выдумывал себе то, над чем он целый год трудился. И вот результаты:

— Этого котенка вскормила курица. Он по ночам кудахчет.

— Этот петух все время питался хлебными крошками, вырезанными в виде гаек. Положите перед ним десяток гаек, он их съест.

— Вот эта герань была фикусом. Видите как она пахнет. То есть нюхните! А фикус мы поливали раствором герани.

— Эта лягушка выросла рядом с радиоприемником. Поэтому она квакает в виде сигналов точного времени.

Рекорд побил Жаров Герман. Он принес какую-то квелую растительность типа чайной розы и

сказал:

— Этот цветок завял, потому что он стоял около приемника, по которому передавали вражескую пропаганду.

Этим цветком все заинтересовались. Особенно папа Славы Рубцова, работник какой-то гражданской организации с военным уклоном.

— На каких волнах он больше всего вянет? От каких радиостанций? И кто еще слушает эти станции, кроме цветка?

Ну, Жаров Герман был не самой светлой головой в области ботаники, биологии и политики. Своим «экспериментом» он чуть не отправил родителей в Сибирь. Слава богу, что у него а) не было родителей, он жил с дядей, б) не было приемника, была радиоточка. А от нашей радиоточки все должно расцветать и цвести. И если у него что-то не очень расцветало, то потому, что он создал для опыта «нечистые» условия. Он с дядей-дворником жил в подвале. Света мало шло.

А мы вывод сделали:

Прежде, чем научный или экономический опыт провести, необходимо под него марксистскую базу подвести.

Э. Успенский

Ялта

* * *

Татьяна, ты меня измучила своими письмами к ребенку. Вернее, моими. На этом кончаю. Если напишешь мне сама и задашь вопросы, буду на них отвечать. Буду создавать «Приложение к письмам ребенку».

А пока напишу финал. Чтобы его потом не забыть.

Мы всю нашу школьную жизнь воевали с учителями. Даже с самыми лучшими. И только в выпускной вечер мы безумно полюбили их. Что надо было, конечно, сделать 7—10 лет назад.

Мы полюбили их за то, что они относились к нам серьезно. Что воевали с нами за нас. И не отступали ни в чем. Хотя им проще было уступить хулигану, подсказать недоумку, выгнать несправимого.

Мы кидались в них снежками, придумывали прозвища, лили кислоту на стулья, чтобы испортить единственный выходной костюм.

А сейчас они нами гордятся. А мы все, от Жарова до Киселева, от Муравьева и до меня, все их очень любим. И своих детей с удовольствием отдадим в их противные, формальные, злопамятные руки.

И тебя тоже!

Иллюстрации: Л. Каминский.